Небоскребы, составляющие городской пейзаж, пронеслись мимо, пока я мчалась на своем велосипеде с корзинкой. Ранним утром солнце уже слепило, а моя белая кофта пропиталась потом и едва ли в ней было комфортно. Несмотря на побережье, ничего похожего на освежающие дуновения ветерка не наблюдалось.

27-е мая, 09:05 на часах, а в городе уже стояла духота.

Я отчаянно крутила педали, скрипящие при каждом обороте, когда юбка начала задирается. На мне были легинсы, так что это не особо имело значение, но случайный прохожий демонстративно указал на меня, из-за чего пришлось придержать подол одной рукой. Судя по одежке, этот зевака, должно быть, из Китая. Остров Одайба был популярным местом для туристов еще до 1999 года, когда открылись комплексные курорты с казино – КК для краткости, – за последние годы он превратился в настоящий плавильный котел. Я обнаружила, что национальность азиата легче всего распознать по его одежке, а не чертам лица. Чувство стиля не сменяется немедля просто потому, что вы уехали за границу.

Район Комплексных туристических сооружений Одайба.

В 1993 году, когда вступил в силу закон о Продвижении Специальных Комплексных Курортных зон – или Продвижение КК, – правительство попыталось привнести на остров казино. На момент введения КК в 1999 всплыли несколько проблем: те казино, что контролировались страной, не возымели успеха, а на Одайба стало довольно опасно из-за возникшей организованной преступности. Однако, когда спустя два года, а именно в 2001, дела с «комплексными курортами» полезли вверх, правительство достигло пределов в управлении казино и открыло торги за управление правами на международном уровне, что в целом помогло улучшить положение. Выход на рынок гонконгской компании Melto Crown Entertainment стал началом подъема. За ними подтягивались и другие иностранные фирмы, а национальные последовали их примеру. Условия резко улучшились. То же касалось и безопасности. Массивные иностранные вливания размывли влияние организованной преступности. Тогда как обновление полицейской системы вместе с силами полицией Токийского залива снизили уровень преступности в Одайба, несмотря на не изменившийся уровень в других местах.

Общее число туристов за последний год превзошло тридцать миллионов человек, а годовая прибыль казино составляла более двух триллионов семидесяти миллионов йен*.

[П/П: немногим больше 1.3 триллиона рублей на момент 2021 года.]

Район Комплексных туристических сооружений Одайба стал одним из крупнейших направлений для туристов в мире. Обворожительные отели ярко сверкали светодиодным светом без намека на типичную для Японии деликатную атмосферу, которую заменили на ежедневные представления самураев и ниндзя. Рестораны суши, стоящие едва ли не впритык друг к другу, добавили новые изделия в меню специально для иностранных туристов: суши под соусом Ширача, шоколадное суши и даже жаренные во фритюре футомаки-суши (если, конечно, их действительно еще можно называть «суши»). Один из видов икей-раменов со свиным бульоном указали в иностранном путеводителе для туристов и вскоре сам по себе стал

достопримечательностью Одайба. Рестораны заполнили нескончаемые очереди иностранцев. Ломбардный переулок – улица, вдоль которой выстроились ломбарды – также стал горячим местом.

Из-за специфики своей работы я довольно часто видела, как люди обанкротились в азартных играх, и поэтому не испытывала к ним влечения, однако время от времени баловала себя Цирком Дю Солей и эпизодическим плаванием в бассейнах отелей. Нравится это вам или нет, но непередаваемое чувство восторга поднималось из самой земли Одайба, которое заставляло постоянно крутиться в этом котле – к лучшему это или к худшему.

Район Комплексных туристических сооружений Одайба наполнился желаниями и иностранными вложениями. Больше он не мог оставаться небольшой насыпью у Токийского залива, и поэтому начал разрастаться подобно амебе. Шум строительных проектов по увеличению острова звучал в каждом закоулке города. Как только завершался один проект, тут же строилось новое казино.

Я катила по улицам, далеким от цветастых районов казино. Вдоль дорог стояли апартаменты, построенные Агентством городского ренессанса. Наконец, я добралась до парка для местных жителей – не для туристов, – который граничил с городским фарватером. Я ударила по тормозам, мой бедный велик заскрипел и все-таки остановился.

Следственный отдел прибыл задолго до меня. Я уже много раз навевалась в этот парк, но сейчас здесь царил серьезная атмосфера, создающаяся выстроенными в линию полицейскими машинами. Говорилось, что парк был частью созданного пути до школы, но сегодня им воспользоваться ни за что не дадут. Вокруг уже собралась толпа зевак, не ведающих о случившемся, – их тянуло к чужому несчастью так, словно перед ними разворачивался кульминационный момент из фильма, который обязательно нужно посмотреть.

Я ненавидела эту часть работы.

Но такова ее специфика – и я знала также, что не следует обращать внимание на что-то столь тривиальное, но каждый гребанный раз это причиняло боль.

Я глубоко вздохнула, выдохнула все свое уныние и затем переступила через желтую полицейскую ленту.

— Извините, мадам. — Ко мне сразу же подошел офицер в форме. — Но вы не можете здесь танцевать вальс.

Я предполагала такое развитие событий, так что быстро достала полицейское удостоверение из заднего кармана и раскрыла его.

— Я сержант Юри Угуйсу из 1-го следственного отдела Токийского залива, — сказала я. — Прибыла на службу.

— Ага, точно, — фыркнул офицер. — Что это еще чертова игрушка? Продолжишь шутки шутить, повяжу тебя за неповиновение офицеру!

Он схватил меня за затылок.

— Что? Да постойте же! Я правда сержант полиции!

— Ага, точно. Если хочешь поиграть в копов и грабителей, я дам тебе знать, когда с работой закончу.

Тут я ничего уже не могла поделать. Этот мускулистый офицер готов был вышвырнуть меня отсюда, и я в панике замахала руками.

Затем я заметила мужчину с щетиной на лице, который с ухмылкой наблюдал за этой жалкой сценкой, будто это вообще не его дело.

— Эй! — крикнула я. — Ямаджи! Разберись уже!

— О, — проговорил Ямаджи, проведя по взъерошенным волосам. — Да, конечно.

Он уронил руку на плечо офицера.

— Офицер. Эта принцесса настоящая. Она кадровый офицер, проходит тренировочные задания отдела. Ну, офицер на полставки, вернее.

— А?

Офицер моргнул. Озадаченный, он наконец взглянул на мое полицейское удостоверение. А затем понял, оно без всяких сомнений подлинное. Он сразу отпустил меня - старшего по званию. Побледнев, он отсалютовал.

— Приношу свои извинения, сержант Угуйсу. Я прежде слышал о вас.

И что он слышал? Не хочу хвастаться, но я стала настоящей легендой из-за получения самой низкой оценки по: дзюдо, айкидо и методах производства арестов в Полицейской академии.

— Ну, — сказал Ямаджи, — Совсем неудивительно, что он так опростоволосился. Ты же не выглядишь как полицейский. Ты юна. А еще...

Его ухмылка стала еще шире.

— ...косплеишь школьницу в матроске, Принцесса.

— К-косплею? Эта форма для работы! И прекрати уже называть меня «Принцессой».

Хотя он был прав насчет формы, но, естественно, оделась я как школьница не потому, что этого хотела. Нонозуки из отдела общественной безопасности попросил меня помочь в операции под прикрытием с целью поймать извращенца, которому нравилось срезать локоны волос со старшеклассниц по дороге в школу. В последний раз преступник случайно прошелся ножом по шее девушки, из-за чего к делу приписали нанесение легких ранений и повысили приоритет.

Ямаджи, мой куратор, был в курсе обо всем. Но с тех пор, как я прибыла на место, этот придурок только и делал, что смеялся надо мной. И вообще-то сам он тот еще скучный старикан. Носит одну стандартную полицейскую форму до тех пор, пока она совсем не изнашивается, - вот почему мне не особо интересно выслушивать от него критику за гардероб.

— В своем сообщении ты попросил прийти как можно скорее, — запротестовала я. — У меня выбора не оставалось, кроме как бросить все и выдвинуться в чем была!

— Все равно, — сказал Ямаджи. — У тебя было достаточно времени, чтобы переодеться.

— Ничего подобного!

— Когда женщинам стыдно, ничто не остановит их от смены одежды. Но ты не стала этого делать. Я хочу сказать, что где-то там, в глубине, ты подумала, что хорошо выглядишь.

Мое лицо вспыхнуло. И ч-что я должна чувствовать?! Я впервые за долгое время напялила школьную форму, и она идеально мне подошла, как в школьные годы!

— Мне всего двадцать четыре, — тихо произнесла я. — Люди постоянно видят во мне девочку из старшей школы. У меня даже документы спрашивают, когда я за пивом хожу.

Я попыталась надуться.

— Так, наверное, из-за того, что ты не красишься и не источаешь сексуальность. И это не тоже самое, что выглядеть молодо.

Даже если так, он разве имел право вываливать это на меня? Ямаджи такой, каким и выглядит, - то есть тот еще грубиян!

Он проигнорировал мою вспыльчивость и развернул леденец - неуместный атрибут. Затем он с еще более жестким голосом пробормотал:

— Девочка из старшей школы? Ха-а-а. Быть не может, чтобы о тебе были такого мнения. Ты растеряла все свое очарование старшеклассницы, начиная с кожи и заканчивая аурой. Ты в целом вся поблекла.

Недавно от Ямаджи жена сбежала, и я искренне надеюсь, что навечно! Надеюсь, она разведется с ним и получит огромные выплаты!

— Перестань уже обманывать себя, Принцесса.

Я хотела выкрикнуть: «Болван, только ты тут себя обманываешь!», но его выражение лица сменилось на серьезное, так что пришлось прикусить язык.

Инспектор Эниши Ямаджи – из-за его неряшливого вида мне каждый раз хотелось клеймить его идиотом, но сам он был из числа проницательных ветеранов, который распутал множество дел на грани нераскрытия. Последняя работа особенно впечатляла: он раскрыл несколько жестоких преступлений прежде, чем опомнилась следственная группа.

Я находилась под началом Ямаджи всего два месяца, но что и следовало ожидать, видела в нем не только неприятного дядю. Отдельного упоминания заслуживают его глаза. Временами блеск в его глазах таил в себе остро заточенное лезвие. И каким-то образом он сохранил стойкое чувство справедливости, каким обладают идеалистические новобранцы, хоть и видел много ужасных сторон мира с начала службы.

Я не хотела признавать этого, но какая-то часть внутри меня глубоко уважала Ямаджи. Неряшливый вид подавлял это чувство, но тут уже ничего нельзя было поделать. Где-то глубоко внутри... томилось маленькое... даже крохотное уважение к нему.

Так что да, таким был человек, что срочно меня вызвал.

— Ну что, у нас еще одно убийство Маскарада?! — спросила я.

Ямаджи не ответил ни да, ни нет. Он засунул леденец в рот – жестом, граничащим с непристойностью – и повел бровью.

— Не могу подтвердить категорически, но лицо соскоблено.

Я поторопилась взглянуть. Черное ограждение с пятнами рыжей ржавчины отделяли парк от фарватера. Я перебралась через него и сошла на один массивный бетонный тетрапод.

Я заметила стройные ноги женщины, погруженные в воду. Кожа начала коченеть; в ней явно больше не плескалась жизнь.

Сглотнув, я проделала над собой усилие. Я впервые вижу труп на месте преступления. «Ты в порядке», – повторяла я себе. Я читала все файлы по делу Маскарада так много раз, что они уже впитались в мой разум. И просматривала фотографии его жертв так часто, что они стали появляться в моих снах. Я должна уже быть готовой к тому, чтобы смотреть на настоящий труп из плоти.

Потом я увидела сам труп за сержантом судебного отдела Омори.

— А... — пробормотала я.

Ноги подкосились в тот миг, когда я увидела безликий труп. Я кое-как удержала себя от падения, подхватив правой рукой ближайший тетрапод.

— Ха? — недоверчиво воскликнул Ямаджи. — Ты настолько новичок что ли, что не можешь смотреть на изувеченное тело?

С этим... я не могла ничего поделать. Это не просто лежалое тело. Плоть от носа и ниже была обнажена, и оттуда выпячивали кости.

— Труп принадлежит Рейне Мёко, — выпалил Ямаджи. — При ней не оказалось кошелька или телефона, но зато в кармане была клубная карта спортзала.

— П-постойте, — проговорила я.

— Чего? Если собираешься блевать, делай это, когда рядом никого не будет.

— Не в этом дело! Как ее зовут, повторите.

— Рейна Мёко.

Я вновь взглянула на труп. Элегантная женщина одного со мной возраста в красиво выкроенном платье. На ключице виднелась родинка.

Я видела ее раньше.

— Думаю, она моя однокашница со старшей школы.

Ямаджи почесал затылок, явно озадаченный.

— Блин, вот же ж... Полагаю, мне жаль это слышать. Похоже, ты на самом деле связана с Маскарадом, Принцесса.

Он сосредоточился и сфокусировал взгляд.

— Итак, что делать собираешься? Раз она твоя однокашница, ты умчишься к себе домой и свернешься калачиком на кровати, как напуганная кошка?

— Что? — спросила я.

Ямаджи никогда еще не говорил мне такие жестокие слова.

Я чувствовала, как во мне растет что-то, и это не гнев – а решимость. Так он в своей особой манере подбадривал меня.

Вот оно. Я стала офицером полиции только по одной единственной причине – арестовать серийного убийцу Маскарада. Я не могла разнервничаться на первом месте преступления, которое напоминает о нем.

— Собралась!

Я хлопнула по щекам, чтобы привести себя в порядок. Затем поднялась и смахнула песок с юбки.

Странный, надо сказать, знак, что сейчас на мне была матроска из времен, когда мы с Рейной учились на одной параллели.

— Судя по всему, ты справишься, — сказал Ямаджи.

Он достал полицейскую записную книжку и уставился на нее.

— Исходя из того, как ты произнесла «однокашница», я начинаю думать, что вы двое не так уж и близки...

— Я не видела ее с выпуска из академии Дзюнсейва*, старшей школы для девушек. Мы учились на одном году обучения, но в разных классах и, конечно, совсем не были близки.

[П/П: выдуманная, как я понял школа, автора. Есть еще в одной книге от него, «Рейна Камису». Видимо, этот роман пишется в одной вселенной.]

— Академия Дзюнсейва? Ты там, должно быть, была окружена принцессами. Твоя семья из богатеньких?

— Нет... Простая семья среднего класса. Мне всегда казалось, что я обязана исполнить мечты

мамы, идя в эту школу. Обучение сильно било по карману родителей, и я считала, что исключение принесет огромные проблемы... Я хочу сказать, им не пришлось даже беспокоиться обо мне! Другими словами, я была обычной ученицей. С ней все иначе.

— Ты имеешь в виду, что наша жертва была настоящей принцессой?

— Что-то вроде того. Я не знаю, что там у нее дома творилось, и поэтому доказательств нет, но в школьные года она постоянно одевалась во все модное и качественное, что не могли позволить себе большая часть девочек. Даже в школе для девушек из высшего общества она пользовалась популярностью.

— Хмпф. Тут и без лица я могу с уверенностью определить, насколько она была прекрасной.

Как и сказал Ямаджи, безликое тело не изменило ее роскошности и признаков светской жизни. Губы, несмотря на соскобленное лицо, остались едва тронуты. Они окоченели, утратили оттенок красного, но меня все также тянуло к их полноте.

И только завидев их, в мое сознание проник ее очаровательный голос.

«Эй, ты знаешь, что такое ложный след?»

А, точно, я вспомнила. Она владела высоким женственным голосом, напоминающий вибрато скрипки. По какой-то причине ее утонченные черты лица не задержались у меня в воспоминаниях, но я помнила то впечатление, какое произвел приятный голос.

«Она прекрасна.»

Она была из тех женщин, что заставляли других людей непроизвольно так о ней отзываться.

Но почему? Она невероятно красива, но хоть убей, я не могу вспомнить ее лицо.

При взгляде на нее я была охвачена первым впечатлением о красоте – оно настолько сильно, что отбрасывает любые другие мысли и не позволяет мне вспомнить, как она выглядела. Ее образ был покрыт туманом.

То же происходило и в школьные годы. Я всегда помнила, что у нее на ключице была прекрасная родинка, – однако, когда смотрела на лицо, приходилось тщательно изучать его, прежде чем приходило понимание: «а, точно, так оно выглядит».

Образы из того времени живо проносились в сознании, хотя точные черты ускользали от меня.

А где-то в глубине душа окрашивалась в багряный цвет.

—

Ах, тот самый день произвел на меня такое впечатление. Даже странно, что я совсем о нем позабыла.

В старшей школе я состояла в команде по бадминтону – только как резерв резерва, – и в один из дней была тренировка, как обычно. Но во время первой передышки я вдруг поняла, что забыла свою бутылку с водой в шкафчике, поэтому вернулась за ней в класс.

В школьном здании было очень тихо во внеучебное время, и в коридорах я никого не встречала. Лучи солнца ближе к вечеру агрессивно проникали через окна, заполняя мой взгляд алым светом.

Рейна Мёко по какой-то причине читала книгу в классе, будучи сама по себе.

Казалось, она взяла яркое полуденное солнце под свой контроль; оно превратило ссутулившуюся девушку, сидящую за страницами книги, в живописную сцену из кино.

Она встала, все еще меня не замечая, и открыла окно. Я наблюдала за ней. Затем девушка ласково взглянула на книгу с твердой обложкой и прикоснулась к открытой странице. А дальше без колебаний начала рвать ее, не меняясь в лице. Она продолжала ровно до тех пор, пока страница не была испещрена на мелкие кусочки. После вытворила это с еще несколькими страницами, собрала клочки в кучу и выбросила их в окно.

Обрывки бумаги нежно порхали посреди алого неба, словно лепестки сакуры.

Что-то в этой сцене казалось жутким. Будто Рейна переступила черту, которую ни в коем случае не должна была пересекать.

Однако красота момента пересиливала ужас. Будь в моих руках цифровой фотоаппарат вместо ракетки, я бы инстинктивно сделала пару фото. А, ну и если бы я запечатлела сцену, никогда бы не забыла, как она выглядит.

Но когда я вышла из оцепенения, мне показалось это неправильным. Я вошла в пустой класс к однокласснице. Я не собиралась цепляться к книге, но сказать что-нибудь определенно должна. Это ведь даже не ее класс. Зачем она вообще сюда пришла?

А теперь я столкнулась с прагматичной проблемой, совершенно противоположной прошлой иллюзорной сцене: что мне сказать девушке, которую я толком не знала?

Точно не могу вспомнить, но, кажется, я собиралась сказать ей что-то совсем безвредное. Учитывая мое средне-низкое происхождение, глупая ухмылка была вполне мне к лицу.

А-а, вспомнила! Рейна Мёко от удивления широко распахнула глаза и принялась любезничать перед моим неуклюжим образом.

— Привет, Юри, — поприветствовала она меня.

Это напомнило мне, что она ко всем из параллели обращается по именам, не важно, какие у нее с человеком отношения.

— У тебя такие прелестные пальцы.

Как мне трудно было поверить, что красивая и очаровательная Рейна видела что-то прелестное в руках такой заурядной меня.

— Все постоянно делают мне такой комплимент... — сказала я. — Они говорят, якобы какая у меня идеальная правая рука. И как мне хочется каждый раз сказать, как это грубо, упоминать только одну руку!

— Что-то не так с твоей левой? — спросила она. — А-а-а... эти шрамы.

— Угу. В детстве мы с сестрой однажды бежали в большом парке, держась за руки, а затем я упала... э-э-э, ха-ха, — неловко рассмеялась я.

Не уверена, как много я могу ей рассказать. Но Рейна проигнорировала мой смех и шрамы на левой руке. Ее, казалось, пленила моя правая.

— Ах-ха...ха... Перестань пялиться, — пошутила я. — Мой правая рука красивая, но ты прекрасна вся, целиком и полностью.

— Я просто знаю немногим больше остальных, как предстаю перед этим миром, — затем она добавила непонятный комментарий. — Я не обладаю истинной красотой в том смысле, как выглядят твои пальцы. Твоя правая рука настоящая. Можно сказать, уникальная, в отличие от меня.

Затем Рейна Мёко элегантно улыбнулась.

— Эй, ты знаешь, что такое ложный след? — спросила она внезапно.

Озадаченная, я ответила ей: «Нет, не знаю».

— Это техника, применяемая в трюке с ловкостью рук. Означает «сместить внимание аудитории». Благодаря отводу взгляда на что-то вроде преувеличенного жеста ты прячешь за этим наиболее важную часть трюка... Но мне кажется, это работает не только с ловкостью рук, разве нет? Это случается повсеместно. Люди упускают что-то важное, потому что перед ними находится нечто броское.

Я впервые услышала, как много она произнесла за раз; несмотря на мое смятение, в промежутках между словами я вставляла признаки подтверждения и понимания.

— Например, — продолжила она. — Скажем, в вазе стоит красивый цветок. Все обратят внимание на великолепие его лепестков. Но что, если ваза на самом деле наполнена мутной водой? Помутненная после ливня настолько, что к ней даже водяные клопы не приближаются. Ее необходимо поменять, но никто даже не подумает о грязной воде, потому что в их глазах отражается только прекрасный цветок. И наконец, он увянет.

Она замолкла и тихо отвернулась от меня. Видимо, поняла, как странно говорить на эту тему с тем, кого нельзя назвать близким другом.

Взволнованная и озадаченная, я спросила ее об увиденном мною без задних мыслей:

— Скажи, почему ты рвала эту книгу?

Рейна заглянула мне в глаза, как бы испытывая меня, но расстроенной она не казалась.

— Это была красивая история, — сказала она. — Предложения выстраивались в плавный поток мыслей. Изысканная психология, будто автор заглянул в человеческую душу под микроскопом. Композиция произведения строилась так естественно, слово человеческий скелет. В то же время история полна неопишуемой теплоты, и в тексте проявилась любовь автора к художественной литературе.

Она снова отвернулась. Позади нее солнце окрасилось в цвет темной умбры, создав драматический фон.

— Потому я ее и порвала, — добавила она, наконец.

—

Я поближе посмотрела на губы трупа, лежащего на тетраподе. Ее слова все еще были свежи в памяти.

Как гром среди ясного неба, я вспомнила прозвище, о котором узнала после того разговора. Получила она его потому, что ее красота всегда заставляла тебя отвести взгляд: «Ложнослежка*».

[П/П: попытался обыграть игру слов оригинала. Переведенный мною «Ложный след» - термин misdirection. Он используется не только в английской версии, но и в японском оригинале. Ее прозвище по задумке автора - «Miss Direction».]

Пока я погрязла в размышлениях, к нам подбежал тот подтянутый офицер, который чуть ранее едва не вышвырнул меня.

— Ямаджи! — в панике взвизгнул он. — Сержант Угуису! Э-э, а... — Он захватил побольше воздуха. — Я услышал... услышал кое-что от другого офицера.

— Где пожар, мужик? — вмешался Ямаджи. — Отдышись хоть.

— С-сейчас, — выдохнул офицер.

Это даже мило, видеть, как офицер в теле так покорно слушает приказы Ямаджи.

— Фух, — пропыхтел он. — Э, короче, прошлой ночью в отделение района Сумида поступило сообщение, и оно как раз может быть связано с этим делом! В общем, там вроде как нашли стопу женщины в комнате ее парня, и еще она там вроде ввязалась во что-то.

Ямаджи тревожно прищурился, призывая офицера перейти к сути.

— Сообщение доставил мужчина, которого зовут Шота Акияма, — сказал он. — А его девушку - Рейна Мёко.

<http://tl.rulate.ru/book/58021/1482406>